

А. Лаврин

Есенин Сергей Александрович
(1895–1925) – русский поэт

Днем накануне смерти Есенин написал прощальное стихотворение:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, -
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Есенин передал это стихотворение своему ленинградскому другу, поэту В. Эрлиху, который вспоминал: «Есенин нагибается к столу, вырывает из блокнота листок, показывает издали: стихи. Говорит, складывая листок вчетверо и кладя его в карман моего пиджака: “Тебе”. Устинова хочет прочесть. “Нет, ты подожди, останется один — прочитает...” Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель. Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично».

Стихотворение осталось в кармане у Эрлиха и было прочитано им только на следующий день, когда Есенина уже не было в живых.

28 декабря 1925 поэт был найден повесившимся в номере ленинградской гостиницы «Англетер».

Друг Есенина поэт Иван Грузинов пишет о том, что в той же гостинице жил видный партиец, литературный функционер Георгий Устинов, который «Есенина просто обожал и как поэта, и как друга. Сергей стучался к нему перед тем, как повеситься. Георгия Устинова не оказалось дома. Если бы завязалась беседа, не завязалась бы петля и не написало бы несколько провинциальное предсмертное стихотворение».

Смерть поэта потрясла современников. «Сотни людей спрашивали меня: “Почему он сделал это?”» – пишет друг Есенина Анатолий Мариенгоф и в своих мемуарах пытается найти ответ на этот вопрос.

«Где-то, когда-то мне довелось прочесть биографию шотландской принцессы XV века. Если память не изменяет, ее звали Маргаритой.

Умирая, принцесса сказала:

— Плевать на жизнь!

Ей было девятнадцать лет.

Никто не слышал последних слов Есенина. Да и вряд ли в унылом номере Петербургской гостиницы “Англетер” в последнюю минуту он разговаривал с собой. Этой дурной театральной привычки я никогда не замечал за ним. Но с 1923 года, то есть после возвращения из свадебного заграничного путешествия [с Айседорой Дункан], весь смысл его существования был тот же, что и у шотландской принцессы:

— Плевать на жизнь!..»

Далее Мариенгоф сожалеет о том, что почти все влюбленности Есенина были «для биографии»:

Есенин – Шалыпина (дочь певца).

Есенин – Дункан.

Есенин – Толстая (внучка Льва Николаевича).

А свою единственную любовь, по мнению Мариенгофа, — Зинаиду Райх — Есенин упустил.

«В последние месяцы своего трагического существования, – продолжает Мариенгоф, Есенин бывал человеком не больше одного часа в сутки.

От первой, утренней, рюмки уже темнело его сознание.

А за первой, как железное правило, шли вторая, третья, четвертая, пятая...

Время от времени Есенина клали в больницу, где самые знаменитые врачи лечили его самыми новейшими способами. Они помогали так же мало, как и самые старейшие способы, которыми тоже пытались его лечить...

...К концу 1925 года решение “уйти” стало у него маниакальным. Он ложился под колеса дачного поезда, пытался выброситься из окна, перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом.

А накануне Есенин был у Николая Клюева.

Среди теплеющих лампадок читал стихи своему “старшему брату” в поэзии.

Клюев сидел на некрашеной дубовой лавке под иконой Миколы Чудотворца.

— Ну, как? – тихо спросил Есенин. – Стихи-то? Старшой брат троекратно облобызал его:

— Чувствительные, Сереженька. Чувствительные стишки. Их бы на веленовой бумаге напечатать, с виньеточками: амурчики, голубки, лиры. И в сафьян переплесть. Или в парчу. И чтоб с золотым обрезом. Для замоскворецких барышень... Помнишь, как Надсона-то переплетали? А потом — Северянина Игоря, короля поэтов. Вот бы, Сереженька, и твои стишки переплесть так же.

После этих слов Есенин заплакал.

Это была его последняя встреча...»

А выводы Мариенгофа таковы:

«Есенинская трагедия чрезвычайно проста. Врачи это называли “клиникой”. Он и сам в “Черном человеке” сказал откровенно:

Осыпает мозги алкоголь.

Вот проклятый алкоголь и осыпал мозги, осыпал жизнь».

В 1990 вокруг смерти Есенина развернулась очередная дискуссия. На этот раз на основе посмертных фотографий поэта, снятых в ленинградской гостинице, во время судебно-медицинской экспертизы, на похоронах, была поставлена под сомнение добровольность ухода его из жизни. На этих фотографиях, утверждает сторонница версии о насильственной смерти, видна «черная круглая пробоина, помимо раны на лбу. Иногда меня пытались уверить, что это просто гематома. Специалисты по судебно-медицинской экспертизе, к которым я обратилась, полагают, что это похоже на след от пули или удара». Другой адепт этой версии также ссылается на найденные в архивах фотографии, в частности, на такую, где «Есенин лежит на диване... волосы взлохмачены, верхняя губа опухшая, правая рука в ооченении повисла в воздухе. На ней следы пореза. И сколько я ни всматривался в фотокарточку, признаков наступления смерти от удушения не видел. Не было высунутого изо рта языка, придающего лицу висельника страшное выражение. Да и удивлял сам факт, что труп положили на диван, ведь у повешенных ослабевают мышцы мочевого пузыря и другие мышцы».

Вышеуказанные доводы опираются лишь на фотографии, которые, как известно, могли быть отретушированы. Пока не найдены негативы, доводы эти будут оставаться достаточно сомнительными. Кроме того, есть свидетельства людей, видевших Есенина после смерти.

Так, Иван Грузинов писал о похоронах поэта: «В гробу лежало чужое лицо. Всегда пышные кудри были зачесаны гладко назад. Это делало лицо чужим и парикмахерским. Исчезло все озарявшее выражение. А лицо мы помним не по его чертам, а по выражению глаз и губ.

Я стоял в голове: были видны плохо замазанные ссадины на лице. Это Сережа бился о паровое отопление, уже вися».

Впрочем, сторонники версии о насильственной смерти выискивают и иные доказательства. Так, в одном из новых советских печатных изданий утверждается, что «очень неграмотно и поверхностно было произведено описание участковым милиционером, места происшествия. Удивляет другое. Как мог такой аккуратный в жизни Сергей Александрович даже в минуту отчаяния перевернуть все в номере буквально вверх дном, вывернуть наизнанку содержимое своего чемодана. Странно, но уже в ходе освидетельствования номера местными властями таинственно исчез со спинки стула пиджак поэта. В высшей степени нелогично заключение тех лет, что след на лбу Есенина — это след ожога от горячей трубы водяного отопления. В те дни в Ленинграде было тепло и отопление не работало. Очевидно, что человек с проломленным черепом и ранами на теле не мог сам взобраться на высокую тумбочку (высотой 1,5 метра) и повеситься...» Если внимательно читать мемуаристов — современников Есенина, то на многие доводы сторонников версии убийства можно найти контрдоводы. Например, миф об аккуратности поэта легко развенчивается таким воспоминанием Мариенгофа об одной из встреч с Есениным в 1923 году: «... [Есенин] поднимает крышку. В громадном чемодане лежат бестолковой кучей — залитые вином шелковые рубашки, перчатки, разорванные по швам, галстуки, носовые платки, кашне и шляпы в бурых пятнах. А ведь Есенин был когда-то чистюлей!»

Итак, спор продолжается.